

Неделя мясопустная, о Страшном суде

Мф, 106 зач., 25, 31—46

Слова Евангелия — о тайне Первого и Второго Пришествия Христова. Первое Пришествие Его на землю было в унижении, так что Его нельзя было отличить от других людей. Господь явился столь смиренно, что никто не заметил Его появления. Второе Пришествие будет совершенно иным: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы». Первый раз Господь пришел не судить, но спасти мир. Второй раз Он придет для Последнего Суда.

Суд этот будет столь простым, что, кажется, нас не спросят ни о нашей вере, ни о том, как мы молились и постились или богословствовали, а только о том, были мы или не были людьми по отношению к другим людям. Однако в этой предельной простоте открывается тайна Воплощения Божия и Креста, и Воскресения, и Пятидесятницы. И Его Второе Пришествие во славе будет предваряемо явлением на небе Креста, являющего тайну двуединой заповеди.

Когда завершится история человечества, Христос, подводя итоги, будет говорить только о Себе. «Голоден был, жаждал, странен был, в темнице был, болен был». Как если бы среди множества людей существовал только Он один — бесчисленным, бесконечным присутствием: «Истинно, истинно говорю вам: то, что вы сделали одному из этих меньших, вы сделали Мне». Речь не будет идти об отвлеченном теоретическом человеке, а о человеке, который хочет есть, пить, иметь дом, одежду, утешение, заботу. Мы будем судимы за наши самые смиренные движения любви. В этой любви — сокровенное и постоянное присутствие Христа на земле.

Страшный Суд представляется многим отвлеченно-далеким, в то время как Господь — «близ, при дверех», и все происходит уже сейчас. Он одесную Бога Отца, и Он — там, где человек, в этом мире. Но этот мир перевернут, и эта перевернутость мира — не абстракция. Ее можно видеть в тех, кого мир отрицает, не принимает в расчет — в опозоренных, в одиноких, в старых, в безнадежно больных, в сумасшедших, в заключенных, в тех, кто, по существу, исключен из человеческого общества. Он прежде всего в них, но Он также не оставляет Своим присутствием тех, кого мир хвалит и кому сопутствует земной успех, в ком, несмотря на эту видимость, время от времени прорывается через их поверхностность неподдельный страх перед подлинными глубинами жизни.

В этой перевернутости проходит великий путь, Христов и наш, и все, к чему всею сокровенностью своею устремляется наша душа, становится достижимым, но через безжалостное развенчивание иллюзий. Ибо эти люди — наше место, не только здесь, но и в вечности, наше место одесную или ошуюю Бога Отца. В этих людях — Христос, и в них наше место должно быть бесконечно более возможным и более чаемым, чем, например, для современников Христа, ожидавших от Него осуществления своих надежд на победоносного земного мессию. Именно это сильнее всего влечет нас к Нему — то, что в Нем Бог воплотился Мужем скорбей, страдающим существом, что Он отказался от всякой человеческой славы, стал слугою всех и прошел через ужас нашей смерти. Навсегда Он — участник всех наших страданий. Бог обнищал от всех Своих богатств, чтобы мы могли проявить к Нему любовь, Он протягивает к нам руку, как нищий, чтобы в день Суда Он мог сказать нам: «Приидите, благословенные Отца Моего, ибо Я был голоден, и вы дали Мне есть». Он хочет нашей любви, Он все так сотворил и устраивает все так, чтобы мы узнали Его, как Бога Творца, Промыслителя, Бога Судию, но уже совсем по-другому, чем раньше. И благодаря этому Его уничтожению нам открылась Его победа над смертью, слава Его Воскресения, к которой Он ведет нас сейчас Собою.

Тайна Страшного Суда — тайна общего воскресения, воскресения каждого из мертвых. И это дано нам всем — никто, ни один человек не лишен этого. Мученики купили Царство своею кровью, отцы-пустынники обрели благодать подвигами воздержания, а мы, живя среди мира, можем достигнуть славы Господа самой простой человеческой помощью — накормить голодного, напоить жаждущего, бездомного приютить, утешить больного, посетить заключенного — это то, что может делать всякий. Это предлагается нам каждый день, из этого состоит вся жизнь. Через самое

обыденное гостеприимство Господь хочет приобщить нас Своему непостижимому дару, и, когда мы отвергаем эту возможность, мы отвергаем не только тех людей, которых Он нам посылает, — мы отвергаем Его любовь, Его Крест и Его Воскресение. Что же нам остается?

Потому в словах осуждения неправедным не говорится о нераскаянных страшных грехах неверия, блуда, воровства, колдовства, убийства, а перечисляется все то же самое, что сделали праведники, с добавлением одного слова «не» — не потому, что те грехи не означают ада, а потому, что Страшный Суд определяет грехи неделания как не менее губительные. Мы видим этот грех неделания и во всех притчах о Суде. Неразумные девы не позаботились о том, чтобы принести елей, в притче о милосердном самарянине священник и левит прошли мимо раненого человека, в отличие от того путника, который был прообразом Самого Христа. Неверный раб, зарывший в землю талант, отвергнут за ничегонеделание, и все, оказавшиеся ошуюю, отринуты на Страшном Суде за то, что не послужили страждущим душою и телом. Приближается разделение между Царством Христа и царством диавола. Но никакое исследование, никакое человеческое знание не может определить, где проходит это последнее разделение, ибо оно принадлежит Господу и совершается непрерывно, и даже там, где уже как будто обходятся без Него. Но, как говорится, единственное, что требуется для торжества зла, — это чтобы хорошие люди ничего не делали.

Ложь и бесстыдство на земле давно перешли все границы. Но есть нечто худшее — это умственный, и нравственный, и духовный паралич слишком многих. И ужаснее всего — когда этот паралич касается нас, верующих людей, Церкви. Отсутствие нормальной реакции на зло вызывает большее беспокойство, чем даже действие зла, потому что оно выдает состояние ослабленности организма, который пассивно, не сопротивляясь, переносит диавольское нашествие. Насколько душа больше тела, настолько больше должна быть наша забота об этом. Время начаться суду с Дома Божия, потому что Церковь отвечает за себя и за всех, и неспособность наша послужить одному из меньших сих — неспособность послужить Христу. Без любви — мы без Него. Бог есть Свет, и в Нем нет никакой тьмы, нет зла, нет отсутствия добра, нет нелюбви.

Апостол Павел в своем знаменитом гимне любви убеждает нас в том, что любовь — это чудо из чудес. И тут же добавляет, что любовь невозможна, абсолютно невозможна, если мы не увидим в ней то, чем она является — Божественным даром. Это слово «Божественным» все определяет, и оно дивно, потому что это значит, что любовь — в Евангельском смысле — в своей устремленности и в своей мере имеет Самого Бога.

Если бы Божественная жизнь не явилась среди нас, было бы совершенно невозможно любить других. Но когда мы предстоим перед Добром, поистине бесконечным, рождается в нас любовь. Только так можем мы увидеть драгоценность людей, которые ничего не значат для нас, узнать любовь к тем, кого мы не любим. Без такого предстояния все это будет искусственным, нереальным, лживым. Но Господь не требует от нас лицедейства. Он ставит нас в самом центре испытаний, открывая нам, что наш Первый Ближний, наш единственный Ближний — это Бог. Бог — в человеке, Бог — в мире, Бог, отдающий нам Себя в нас самих и в каждом, Бог, даром Которого мы должны стать Промыслом Божиим в жизни других людей и в нашей собственной. И нам надо совершенно новым взглядом, приобщаясь Божественной сокровенности, увидеть других в той красоте, в какой увидел наш Господь Своих апостолов на Тайной Вечери, когда умывал им ноги. Это должно было быть страшно трудным, потому что среди Его апостолов был Иуда, который уже продал Его, и Петр, который скоро трижды отречется от Него. И были все другие, которые будут спасаться бегством перед лицом непредвиденной катастрофы. Однако Господь преклоняет перед всеми колена, потому что в них Он поклоняется Божественному Присутствию, поклоняется Тому Бесконечному Ближнему, Который есть наш Единственный Ближний.

Он знает, что наступит день, когда всем, в том числе Иуде, будет дана возможность покаяния, возможность возвращения к Богу. И Бог, всегда хранящий всех, если только они откроются Его Божественному милосердию, которое предлагается всегда и всем, преобразит этих людей Своей славой. И они явятся в мире, как Его чистые творения, как источник, как начало, как самое средоточие истории и мира. Тогда, наверное, их можно будет любить безоглядной любовью, как Бог любит их, любить без меры, или, вернее, в той мере, какая есть у Бога, любить бесконечно. Потому любовь предполагает непрестанную молитву, которая превосходит всякую внешнюю видимость и которая через человека достигает глубин Жизни, тайны творения человека, совершившегося любовью Божией. И в этом прикосновении к бесконечному источнику, в этой встрече с Богом Живым, в сокровенности нашего сердца, откроется любовь как тайна Страшного Суда, на котором мы будем судимы также всеми Ангелами и всеми святыми. Только любовь устоит на Страшном Суде. Если жизнь наша строится на чем-то меньшем, чем любовь, мы вне Царства Христова, сейчас и вовеки.